

Он так радовался, когда нашёл свою версию происхождения Алисы! Его долгое время пылившиеся эйфорические крылья теперь бодро громыхали за спиной, нарушая зыбкое термодинамическое равновесие. А что им ещё оставалось делать – летать Мурман пока не умел, но на окрылённости настаивал. Пускай и на банальной, в пику банальной же логике.

Маленькое открытие отвлекло от рутины, но хотелось отвлечься ещё сильнее, оторваться от провизорски беспощадной груды печатных и рукописных знаков, и, быть может, насовсем. Сменить сферу компетентности. И Мурман решил съездить в родные края. Конечно, он сомневался – как всё это примет взбалмошная Алиса. Но, так или иначе, его долг донести до неё, рассказать, кто был первопричиной её появления на свет. Хотя долг – ошибочный ориентир. Есть такие дела, которые без удовольствия не получаются. Здесь для успеха надо поймать волну праздной прогулочной лёгкости и лететь на свет. Или на запах. Запах созревающих яблок. Так давно он не был там в сентябре. Теперь есть повод, и к тому же сестра давно звала.

Не то чтобы Мурман верил снам, но однажды ему пришлось популярно излагать на публике суть своего ремесла. Чтобы не обременять чужие извилины, он напустил конфетной мистики и связал сновидения и предков. «Фантазмагории подсознания часто связаны с нашей родовой историей, наши прадеды оберегают нас посредством игры воображения...» – и так далее. Слушателям понравилось. А раз понравилось, бумеранг убеждения ударил по самому источнику. Мурман сам поверил в то, что сболтнул ради красного словца. Сны о воде он теперь толковал как привет от прадедушки-священника, зядлого рыбака. Тот был любителем ранним утром запрыгнуть в лодку, выплыть на середину маленького озера, закинуть удочку и... «Отец Пётр! Отец Пётр!» – разносилось над водной гладью, окружённой юной кедровой порослью. Церковь стояла на берегу. Святой отец увлекался и вечно опаздывал к утренней службе. Но все к тому привыкли и ждали его, потому что Пётр Алексеич был добродушный рассеянный чудака, и с ним была благодать. И Мурман берёт эту беспечность, не разменивая её ни на какие режимы...

Перед поездкой ему как раз снилась вода. Странный сон: будто он идёт по мелкой воде к буддийской часовне. Ясно, что руку приложил предок. Но это видение было красивым и пёстрым, фантастически игрушечным – и стояло на воде. И просветлённый Мурман шёл к нему, а внутри обнаружил только лубочные туристические сувениры и игрушки. Декорированную пустоту. Быть может, так, в доступной форме, ему был преподан иероглиф недеяния? Сон давал чувство освобождения, и Мурман счёл это хорошим знаком. И полетел, втиснувшись в ночной прохладный аэробус, и, взлетая, разглядывал в иллюминатор руны предместий – чёрное шелковое покрывало, расшитое бриллиантовым оранжевым бисером. Огни... Он любил взлетать ночью.

Дома его ждала сестра с семейством, непривычно расположившиеся в родительской квартире. После того, как не стало мамы, квартиру долго не трогали. И, зная Наташу, можно было предположить, что родительское гнездо так и останется пустовать. Мурман слышал одно: приезжай, поживи в нём... ты – не я! Словно боялась взять на себя одну какую-то невысказанную вину, которой нет и быть не может. Но ведь мы храним этот упругий комок неузнанной материи – непонятно за что виноватость, словно отколотую лунную породу, словно талисман, без которого не узнаешь и сладость земную. Но всё шло своим чередом, и жизнь брала своё, и в доме снова появилась детская, а Наташин муж, что вечно в бегах, вернулся в семью и сломал отцовский гардероб. Сказал гордо, что теперь тут будет шкаф-купе. И Мурман понял, что лучше ему пожить у Алисы.

Смешно звучит – «у Алисы». Алиса осталась наместницей мамы как её наистариннейшая подруженька, опутавшая её паутиной сроднившихся в единый ком лет. Мама очень переживала, что дом, её родовое гнездо, что в часе езды от города, захиреет без неё. Наташа и Мурман – не выдающиеся садоводы. Но спасла всех Алиса, которая всегда любила гостить на природе, а после того, как мамы не стало, она и вовсе поселилась в доме, словно удалилась в уединённую ссылку – хранить память о подруге. Но все знали – ей, разговаривающей с кошками и деревьями, так лучше.

И дом под присмотром...

Именно здесь Мурман захлёбывался счастливой свободой детства. С городом у него дружба не сложилась. Промышленный мускулистый монстр-красавец с серыми глазами. Но... здесь всегда так настойчиво и отчётливо идут часы. А времени нет. Да, именно так. Чувство

родины начиналось для Мурмана с размеренного тик-так, которое вообще не имело никакого отношения ко времени. Оно было *на-по-ми-на-ни-ем*. Оно уводило в грёзу, мощную мистерию, исполинской дланью перемешивающую прошлое и будущее. Здешние часы никуда не шли, если говорить о мифическом «вперёд». Они, как умелый гипнотизёр с блестящим маятником, лёгкими пульсирующими прикосновениями к нужным точкам «Я» пробуждали вулкан воображения.

И там, в деревне, часы вели себя точно так же. Но там воображению было где развернуться и волю творить полотна прошлых и будущих жизней. В детстве Мурман научился этому у Алисы. Мама оставляла его с ней, – когда бабушка уже стала болеть, – а сама уезжала в город. И Алиса начинала «шуршать» – разворачивала деятельность. Перебирала ягоды, полола грядки, рыхлила, собирала падалицу – работы хватало. На ответственные участки она не покушалась – знала, что мама её заругает. Не обижалась. В ней, худюшей, хрупкой, губастой, – жила удивительная инородная сила сопротивления условностям. Она была чудная, но очень крепкая и практичная в своём вечном парадоксе.

А их общая с Мурманом игра началась, когда они вдвоём в дождливый день разгребали старый бабушкин комод. И Мурман – а было ему лет восемь – нашёл длинный зелёный кошелёк, который почему-то показался ему смешным. «Это что, когда денег много?» – спросил он Алису. Она сощурилась близоруко, осторожно отведя с глаз густую чёлку, обстоятельно села, деловито стёрла с вещицы пыль мягкой тряпкой. «Знаешь, это сумочка для одинокого человека. Он в неё кладёт очки, ключи, немного мелочи и идёт в парк читать газету. А на обратном пути заходит в булочную и покупает четвертинку чёрного хлеба. Понимаешь?»

Мурмана так глубоко поразило и ранило *чувство одинокого человека*, что на первой своей отроческой картине он нарисовал нескладную даму с зелёным кошельком. Он тогда хотел быть художником и до сих иногда рисовал ёрнические портреты друзей на дни рождения. Но грустного теперь не касался, – только придумывал людям другие судьбы, словно уводя их от участи зелёного кошелька. Ехал в метро или глазел из машины – и одновременно заигрывал с мойрами, наперсницами фортуны. Рисовал в воздухе. Но никакой маниловщины – отталкивался только от реально увиденных деталей и только в блиц-ритме. Видит девушку – толстую, некрасивую, усталую. Быстро додумывает: зато она, допустим, добрая, терпеливая, надёжная. Пускай она – воспитатель или учитель музыки, к ней приведут маленького доходагу, будущего Рихтера, а он потом, когда-нибудь, но обозримо, лет через десять, прогремит. И вспомнит о ней... нет, чушь! Не то. Она пускай, как Наташка, напереживается из-за какого-нибудь неудачного опыта амурного, схуднет жестко, зато секс проклонется в ней. А секс тасует шансы! Она откроет свою частную школу, но не окрысится от успеха, потому что в ней останется много эстрогена, а эстроген делает женщину податливой. А, значит, у неё есть шанс на всё-таки-семью. Короче, вот так примерно: пришёл, увидел – не победил, а придумал! Интересно, – думал порой Мурман, – если бы он рассказал хоть одному из героев своих сказок об их новоиспечённых возможностях. Эти богозаместительские игры носили навязчивый характер и давно вошли в привычку. А всё из-за зелёного кошелька Алисы, из-за безнадёги *четвертинки чёрного*...

Он решил заветную тему развить не сразу. Первые аккорды встречи обычно не имеют отношения к принесённым тобою вестям. Важен не ты сам настоящий, а то, каким ты показался. И даже чуткая Алиса может в этих первых аккордах ошибиться, ненароком сфальшивить. Но она это понимает, и потому никогда разу не вываливает самое главное. Может вообще огорошить уже перед самым отъездом. Смешно... Алиса – это мама в Зазеркалье. Они и похожи, и далеки невероятно...

В доме стоял знакомый респектабельный хаос. Вроде прибрано, но нужной вещи никогда не найдёшь на положенном логичном месте. Под раковиной подтекал кран, но под него не была подставлена баночка, как у обычных смертных, а подложено нечто белое чёрт-те что...

– Это памперс. Для женщин с лёгким недержанием, – с поучительным нажимом на слове «лёгким» пояснила Алиса. – Они давно лежат у меня без дела. Но мне, Мурманик, уже не до смеха...

– А ты полагаешь, что недержание бывает только от смеха? Оптимистка!

– Предпочитаю вообще эту тему не развивать. А слесарь должен придти сегодня.

– Если это тот самый, которого ты дожидалась в прошлый раз, то...

– Просто тогда я дала ему небольшой аванс...

Вот оно как! Небольшого с точки зрения Алисы аванса вполне хватало на трёхдневную пьянку по местным масштабам. Она была женщиной со сбережениями, и при этом внезапно щедрой, хотя эти два свойства редко идут рука об руку.

Вот так, неспешно, они входили в русло доверительного разговора. Рассказывать новость надо было в подходящий момент. Но Алиса словно чувствовала, что затевается какой-то фокус, кролик в генеалогической шляпе, и всё время мягко сводила разговор к семье. Пела дифирамбы мурманову отцу, который так хорошо всё устроил в доме. Хотя пока он был жив, она

предпочитала обходить его стороной. Считала, что муж лучшей подруги её не любит. А он просто потешался над ней. Вот уж кому всегда было до смеха! «Э, слышь, только без соплей по мне... помни, что моя тушка износилась от удовольствий...» То, что папа *там*, очень успокаивало Мурмана по части собственной кончины.

– Тебе повезло, у тебя лёгкие родители. Обычно это неподъёмный хомут из жалости и обиды... Хотя я-то настоящего отца не знала. Росла в неполной, но постоянно пополняемой семье, – выдала Алиса после триумфа своего яблочного пирога.

«Так она, наверное, уже всё знает?!» – осенила Мурмана досадная догадка. Хотя откуда? Он филигранно построил свою версию из осколков глубинной архивной подлинности и перешейков между ними – догадок и толкований. И вся эта тонкая гипотетика во много благодаря не очень распространённой фамилии алисиного отца... Словом, это чисто авторская находка! Кто мог его опередить?!

И Мурман чуть было не выложил свой тайный козырь раньше времени, без должной кульминации. Но спас тонущее реноме, как ни странно, кот Миша. Хозяева его – добрейшие соседи, но сам кот – настоящий мизантроп и Дориан Грей в придачу. Пятнадцать лет назад он был точно таким же спесиво мордатым подранком и так же демонстративно всех презирал. Увидев его, все домочадцы во главе с мамой гурьбой преследовали его, как полоумные, и кричали «Миша! Миша!» – надеясь, что он снизойдёт. Но мерзавец был неумолим, как судебный пристав...

– Представляешь, у Хмурки родились от него котята, – оживилась Алиса с местечковой гордостью. Дескать, вона какого барина *охмурили!* Счастливая способность здорового самолюбия – находить собственную значимость даже в плодовитости своей кошки, которая, заметьте, хоть буквой, но отличается от ширпотреба. «Как же ты, дорогая, установила отцовство?» – потешался Мурман. И они углубились в смешную и приятно объединяющую тему родословной местного зверья, в которой – истоки мурманова ремесла. Ибо сначала он интересовался животными, страстно желая стать ветеринаром, – а потом обратился к узам человеческого.

– Я, мальчик мой, отцовство всегда чую, – помолчав, вернулась к теме Алиса. – Это нетрудно, особенно когда сама выросла с фальшивыми отцами. Матушка мне всё хотела папу подарить на день рождения. Больше-то дарить было нечего. Но я знала, что все эти дяди – вовсе не мои папы. Только первый был хороший. Первого *не-папу* жалко. Представляешь, мне ведь лет пять тогда было – но я его помню! Настоящего отца я и не знала – а вот того, первого, помню. Он был хороший мужик. Сиделец, конечно. Помню, я вожусь в песке, а он смотрит, улыбается и закуривает самокрутку, и я зачем-то подхожу к нему близко-близко, и вижу его кожу – жёсткую и серую с болотным оттенком, как шинель, и поры, забитые землёй и кошмаром. Я знаю, что мать родила меня не от него. Он не мог – работал на медных рудниках. От этого мужская сила пропадает. Знаешь, где эти места, да? Сиротино, Великое... Там до сих пор крыши и земля красные, воспалённые от меди. Оттуда в окрестные города приезжали пары, если ребенка не могли зачать. И мужья мирились с этим, что жена его от другого понесет... медного ребенка, как это называлось. Не слышал? Так вот, тот мужик не смирился с медной дочкой. Да... он работал на рудниках, мать проговаривалась кому-то. И однажды, я помню, они повздорили, он вспылит, забрал чемодан, хлопнул дверью и ушёл. И больше я его никогда не видела. Времена были такие. Раз – и нет человека, и только запах несвежей мужской печали на память.

Вот, значит, как она думает! Шансы Мурмана на скромный заслуженный триумф тают. Версия brutally романтическая. Её не так просто будет перешибить любой правдой. Тем более – правдой тонко выстроенной, интуитивной. Тем более что фамилию своего настоящего отца Алиса добыла неизвестно из каких семейных тайников. Или кто из родни подсказал? Но какая уж теперь родня! У Алисы, помнится, только один брат. И только одна дочь. Лёля. Скрипачка. Живёт в Америке. Отрезанный ломоть. Это выражение навсегда было спаянно ассоциацией со смычком, который с яростной экспрессией рвал струны. О блудной дочери почему-то запрещено было говорить. Мама всегда предупреждала Мурмана и Наташу: дети, когда придёт Алиса, о Лёле не спрашивайте! И, конечно, именно после такой преамбулы запретная тема становилась лакомой.

Не всем нужна правда об анамнезе, в том числе семейном. За годы своих занятий Мурман это усвоил крепко. С какой стати он радовался, когда ехал сюда?

От растерянности, чтобы скрыть свои разоблачительные и благородные мотивы, он вдруг спросил о Лёле. Клин клином, запрет – запретом!

– Знаешь, а Лёлька вздумала возвращаться сюда. А я... не хочу, чтобы она возвращалась. Я даже готова ехать в эту чёртову Америку, чтобы её уговорить остаться. Странно, да?

Ничего странного. Алиса могла быть неожиданной в фундаментальном. В том, что каждому очевидно. Но здесь она была понятной Мурману как никогда. Она боялась фиаско.

Поражения своего дитя. Алиса выстрадала чёртову Америку. Имела право не пускать дочь обратно. Как бы абсурдно это ни звучало. Никакой морали и здравого смысла в наших чувствах к любимым людям нет.

И никаких особых причин в том, что гриф секретности снят, не ищи. Просто время подошло. Время, которого здесь нет.

– Конечно, поезжай! – Мурман почти не обратил внимания на испарину, которая внезапно стиснула его в жарких объятиях. Застал его врасплох забытый юношеский трепет – подумаешь! Предтеча влюблённостей, образ, влечение к которому он старательно подавлял, потому что Лёля – это почти инцест. Даже хуже – дочь маминой подруги. Это как вечеринка с безалкогольным пивом. Но ведь было! Точнее ничего и быть не могло – она старше, она – звёздочка, она ещё в консерватории начала ездить по миру, в то время как Мурман скитался по общагам и восторженно хлопал ушами, внимая рассказам о грязном сексе.

Кажется, тогда Алиса просекла неровное дыхание. Мурман запомнил тот странный момент. Была встреча маминых однокурсников? Неважно. Главное, что он помнит – интимный разговор на балконе. Алиса искрит подшофе, но в нужный момент переходит на шёпот. И рассказывает о пианисте с ромашками. Её идеальная любовь. В родной угрюмый городок приехали на гастроли музыканты. Она идти-то не хотела, её уговорили. Блестала дерзкая скрипачка, а парень – так, словно он только аккомпанирует. В тени... Ей под аплодисменты подарили букетищи, ему – добрая бабуля, меломанка - бессребреница, преподнесла полевые ромашки. Алиса на следующий день снова пошла на их концерт. Уже одна. Срезала в огороде три нежных пиона. И в пику скрипачке вручила пареньку. А потом дождалась его у служебного выхода. Познакомиться было несложно – эти вчерашние студенты не ожидали, что в забытой Богом дыре у них найдутся поклонники...

И ещё нетрезвая Алиса тогда, на балконе, сказала Мурману пряным шёпотом, что у всех скрипачек вместо мужика смычок.

Додумать было несложно, тем более когда впереди для раздумий вся жизнь. Тонкий мальчик с ромашками на одну гастроль закрутил с Алисой, но любил виртуозную гордячку со смычком. Когда мы печалимся или злимся, первым нас утешает бесёнок непристойностей. Дело не в смычке, а в том, что с того момента Лёля, которой ещё не было даже в мечтах, начала выполнять свою миссию – взять реванш за памятьливую мать. Стать неприступной красавицей с волшебной скрипкой в руках.

Все пожинаяют плоды материнской диктатуры. И даже Мурман, которому придётся теперь укреплять Алису в её трудном решении – поехать в нелюбимую страну и вместо «Гудбай, Америка, о!» пропеть осанну. Он будет болтать, а сам поминать добрым словом лёлиного папу, который вовсе не хотел, чтобы дочь сгорела на неблагодарной музыкальной каторге. Он как в воду глядел. Теперь дочери и на родину не сбежать с каторги. Можно себе представить, что чувствует пленница, которой мать не разрешает вернуться в родные пенаты. Потому что в пенатах нынче таланту делать нечего. Ни денег, ни славы.

– И, знаешь, я бы не хотела говорить с ней сама. Ко мне она уже не прислушивается. Вот если бы некто, имеющий опыт... У тебя нет таких знакомых, кто эмигрировал, потом вернулся в наш бескрайний русский колодец – и очень пожалел? Желательно музыкант.

–... с 37-м размером обуви и квартирой в Строгино! – усмехнулся Мурман. – Это я так иронизирую на тему абсурдной точности параметров.

– А мне, как ты помнишь, не до смеха.

Помогая Алисе сортировать яблоки, он думал о её наивной нежизнеспособной мудрости – сделать благо чужими руками. Идеально невыполнимый сценарий – найти статиста, точно подогнанного к твоему сюжету, – и доверить ему эпизодическую, но крайне важную роль. О, мы любим просить у Бога о гвозде или горошине, которые изменят ход сансары. Когда уже выстроена китайская стена и дальше ничего не остаётся, как всю жизнь ценой рек пота строить её дальше, – нам вдруг подавай лёгкость, случай, удачу. Нам кажется, что мы заслужили! Хотя никто нас не вынуждал к непосильным жертвам.

С Алисой было удобно – ложилась она поздно, можно было не тушить свет и спокойно заниматься любимыми совиными делами, потому что вечером голова начинала лучше работать. А в светлое время Мурман ревниво прогуливался по любимым закоулкам детства, чувствуя – или не находя – родные горбы и щербины пейзажа. Многие дома, конечно, давно перестроились, преобразились, но Мурман упрямо восстанавливал в памяти их прежний патриархальный вид. Ведь он работал проводником в прошлое, ему было необходимо тренировать мышцу обратного хода. Его ремесло – сродни врачеванию: любая деталь может увести в боковую обманную версию, поэтому нужно быть очень осторожным с выводами. Настолько, что иной раз лучше оставить все незавершённым.

Все пути здесь приводили к озеру. Сто лет в нём не плавал. Чудовищно давно. С тех пор, как ходили всей семьёй. Озеро – единственная экзистенциальная улика в пользу Мурмановой гипотезы. Быть может, с него и начать трудный разговор? Озеро, где ловил своих золотых рыбок отец Пётр, пока его не отправили на Соловки, и где ни разу не искупалась Алиса...

Потому что панически боялась воды.

– Знаешь, я не верю в эти легенды о *медных детях*, – рубанул с плеча Мурман за вечерним чаем, который Алиса сдобрила мелиссой и чабрецом. Она помнила: он сначала поворчит на ведьмины травы, а потом втянется, привыкнет. Все мы так, людское племя...

Алиса не ответила – просто улыбалась. Дескать, не верь – твоё право.

Она весь день перебирала и укладывала небогатый урожай в погреб, облачившись в цигейковый жилет вековой пропылённости и бесконечно курила. День прошёл в странной напряжённой тишине. Так бывает, когда кто-то обижен или злится на то, что ему не предложили ожидаемого. Не сказали нужного слова. Не пригласили. Натуры чувствительные такой тишины не выносят и начинают мягкий допрос молчальников. Вытягивание подробностей и горячие «прости». Потому что именно в этой вязкой мучительной паузе особенно болезненно чувствуешь, что жизнь роняет свои драгоценные минуты не для тебя. И так хочется «немедленно выпить» по праву принадлежащее тебе.

Есть и те, кто умеет с достоинством вынести тишину, а бывают толстокожие счастливицы, что и вовсе её не замечают. Кто из них победитель и получает ли он всё? Мурман не знал. Всякий раз он решал эту задачу заново.

К вечеру Алиса закопошилась, забормотала что-то у плиты. Она всегда разговаривала с едой, которую готовила, и сегодня она уговаривала кабачки и помидоры не ссориться. А значит, её обиженный ступор, чьи причины неизвестны, прошёл. И о причинах можно забыть. Потому что Алиса в разговоре любит быть первой скрипкой и тему обозначает сама.

– Понимаешь, я сама прожила легко. А Лёльку перегрузила. Мне слишком хочется, чтобы она состоялась. Таких родителей нужно вовремя отлучать от детей. Зерно ты уже заронил, теперь, будь добр, не мешай ребёнку идти своей дорогой. Не переступай границу между матерью-пряником и тренером-кнутом. Пускай Лёля начинает на чужой земле, без всякой родовой тяжести.

Заплакала... Она умела это делать, не всхлипывая, не шмыгая. Нет, не фокусы физиологии, просто Алиса всё время «шуршала», бубнила, издавала какие-то звуки. Не заметишь, когда она вдруг тихо заплачет. Разве можно теперь рассказывать ей об отце, открывать мурманову гипотезу, мучить документальной базой всей этой истории... Сидельцем, политэком был именно он, родной, а никакой не *медный*. Детская память Алисы, наверное, что-то напутала. Хотя... всем остальным это тоже не помешало бы отмотать свой срок. Погиб её отец на барже, плывущей по Волге под Сталинградом в 1942-м. Баржу с политкаторжанами никто не прикрывал с воздуха. Её бомбили прямо по живому. Люди тонули на глазах у других людей. Они тонули, и кто успевал, кричали: я такой-то имярек, расскажите моей жене, матери, дочери... жене, матери, дочери... Они оставляли в этом мире только имя. И больше ничего не осталось. Кто-то слышал? Тот, кто всегда всё слышит, – пожалуй, да. Ведь Мурман раскопал эту историю. По его версии – уже беллетристически приукрашенной, – выходило так, что тот мужик, лучший *не-nana* с землистой кожей, донёс до матери Алисы судьбу её мужа. И остался с ней... ненадолго. Мама ничего дочке не рассказала, чтобы её же уберечь. Дела военные. Мурман так живо представлял этот сюжет. Так обманчиво живо...

Теперь Мурман по жизни обязан поминать того утопленника с красивой редкой фамилией. Какие странные привычки Алиса от него унаследовала – интересно. Впрочем, привычкой это не назовёшь. Она упрямо и яростно не желала учиться плавать. Даже в жару не ходила на озеро. Единственная и шаткая улика. И недопустимо грубо подогнаны детали.

И тут дошло, наконец, на что Алиса обижалась. Надо было сразу предложить свою помощь! Надо было сказать: «Не нужно никакого музыканта-перебежчика, я сам возьмусь уговаривать Лёлю остаться в палёной американской мечте!» Пусть остается нестигаемой и тонкой, упрямой и опасной, как литая статуэтка в руках припадочного. Абсурд? Но именно этого от нас и ждут такие, как Алиса. И они бывают правы. Согласно непостижимому рисунку судеб.

В эту ночь говорили очень долго. Пока Мурман не свалился в сон, лелея коварный замысел. Он не расскажет Алисе об отце. Но расскажет Лёле про деда. Как она среагирует? А чёрт его знает! Родовая тяжесть, она же творческий нерв. Она же знак, что ты на верном пути, как игра в «горячо-холодно». Только вместо горячо – больно. А, может, Лёлю вновь качнёт в сторону родных берегов, что для музыканта всё же не безрыбные, если пахать...

Мурман, конечно, примерял эту историю на себя. Что он сделал бы, если бы узнал о своём предке такую... новость? Бессмысленно гадать, но всё же. Он бы поехал на эту горькую Волгу. Он бы поплыл в том месте, пробормотал самопальную молитву. Просто сказал бы свои

слова в небо. Что, мол, я, сын твой, Отче, внук и правнук невинно замученных и убиенных, вернулся сюда. Но я не утону.